ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 3 | 2025. Volume 18. Issue 3
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Особенности реализации категории грамматического класса в структуре ингушского глагола

Барахоева Н. М., Мальсагова М. И.

Аннотация. Цель исследования – выявление специфических особенностей реализации категории грамматического класса в структуре глагола ингушского языка на основе диахронического анализа современных форм глагола и глагольных лексем. Грамматический класс здесь характеризуется как один из типов согласовательного класса в языке. Устанавливается, что современный ингушский язык относится к языкам с внешним типом проявления согласовательного класса. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на основе диахронического анализа явлений современного ингушского языка устанавливается факт наличия в структуре глагольных основ рудиментарных окаменелых классных показателей, которые, возможно, некогда выступали одновременно и как маркеры категории лица и числа, и что данные маркеры являются отголосками личного спряжения, некогда существовавшего в системе ингушского глагола. Это позволяет говорить о том, что современная система грамматических классов ингушского языка и внешний тип согласования – явление вторичного происхождения. Первичной, на наш взгляд, здесь была система грамматических классов внутреннего типа согласования.

EN

Specificities of realization of grammatical class category in the structure of Ingush verb

N. M. Barakhoeva, M. I. Malsagova

Abstract. The research objective is to identify the specific characteristics of the grammatical class category's realization within the structure of the Ingush verb, based on a diachronic analysis of contemporary verb forms and verbal lexemes. Grammatical class is characterized herein as a type of agreement class present in the language. The study establishes that modern Ingush exhibits an external type of agreement class manifestation. The novelty of this research lies in the fact that it, for the first time, identifies within the structure of Ingush verbal stems rudimentary, fossilized class markers through diachronic analysis. These markers possibly functioned simultaneously as markers of person and number. Furthermore, these markers might be remnants of a personal conjugation system that once existed within the Ingush verb system. This allows us to propose that the modern Ingush grammatical class system and external agreement are phenomena of secondary origin. We hypothesize that the primary system was an internal agreement type grammatical class system.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения вопросов становления и исторического развития глагольных категорий ингушского языка, а также особенностей проявления согласовательного класса в системе ингушского глагола. Несмотря на то, что категория грамматического класса в нахских языках уже являлась предметом специального изучения, некоторые проблемы, касающиеся данного явления, оставались за рамками научных интересов наховедов. Такова, например, ситуация с изучением рудиментарных (окаменелых) показателей класса, числа, лица, их взаимосвязи в составе глагольных лексем, и основ их функционирования в современных нахских языках.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи:

– дать характеристику категории согласовательного класса в системе ингушского языка;

– систематизировать глагольную лексику ингушского языка по критерию наличия в них показателей согласовательного класса – грамматической категории класса;

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250165

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

– провести анализ установленных глагольных лексем с наличием рудиментарных маркеров грамматического класса;

– выявить типичные рудиментарные маркеры категории класса и числа, сохранившиеся в составе современных глагольных лексем;

– установить статус данных маркеров, которые, возможно, выступали некогда в качестве показателей личного спряжения, согласования.

Материалом для исследования послужила выборка из более чем 40 глагольных единиц, которые, по нашему мнению, сохранили в своем составе окаменелые классные показатели, извлеченные из лексикографических работ:

- Бекова А. И. Ингушско-русский словарь. Нальчик: Республиканский полиграфический комбинат им. Революции 1905 г., 2009.
- Карасаев А. Т., Мациев А. Г. Русско-чеченский словарь. М.: Русский язык, 1978.
- Куркиев А. С. Ингушско-русский словарь. Магас: Сердало, 2005.
- Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.
- Оздоев И. А. Русско-ингушский словарь. М.: Русский язык, 1980.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области теории языкознания, а также грамматики кавказских, в частности нахских, языков (Дирр, 1907; Чикобава, 1942; Дешериев, 1955; Мальсагов, 1963), в которых заложены основы изучения и выявления правил функционирования категории класса в кавказских языках; представлено описание параметров распределения имен существительных по грамматическим классам, основанное на семасиологическом принципе выражения существительными значения разумности/неразумности, личности/неличности; определены критерии установления количества грамматических классов в языке.

В исследовании учитывались и работы (Кацнельсон, 1972; Абдуллаев, 1974; Тимаев, 1983a; 1983b; Хайдаков, 1980; Магомедов, 1990), развивающие учение о грамматических классах кавказских и нахских языков, в том числе и в сравнении с категорией рода. В данных работах также на базе сравнительно-исторического анализа именных и глагольных основ нахских языков устанавливаются окаменелые маркеры грамматических классов, их фонетические варианты в составе именных и глагольных лексем. Устанавливаются закономерности распределения по грамматическим классам имен существительных, заимствованных нахскими языками из русского и иных языков.

Кроме того, сформулированы специфические особенности категории класса как разновидности согласовательного класса, ее отличия от категории рода в естественных языках, критерии функционирования согласовательного класса в естественных языках (Плунгян, 2011).

Для решения поставленных в работе задач применялись следующие методы исследования: метод синхронного описательного исследования языков использовался с целью последовательного представления фактов функционирования показателей грамматического класса и числа в структуре глагольных основ в современном ингушском языке; приемы метода словообразовательного и морфемного анализа применялись нами для осуществления подбора однокоренных и одноструктурных глагольных лексем современного ингушского языка, а также для вычленения в составе указанных слов однотипных словообразовательных элементов, что дало возможность в последующем с использованием приемов метода диахронического анализа установить рудиментарные показатели грамматических категорий класса, лица и числа в составе современных однокоренных или одноструктурных глагольных основ; применение метода диахронического анализа позволило нам также проследить изменения, происходившие в структуре однокоренных или одноструктурных глагольных основ и приводившие к постепенному вытеснению способности кумулятивного выражения одним и тем же маркером грамматических категорий класса, числа и лица, что, вероятно, было обусловлено утратой взаимосвязи между указанными категориями внутри глагольной основы.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности применения его результатов в исследованиях по грамматическим категориям нахских языков, а также в преподавании ингушского языка и в разработке спецкурсов по теории и практике изучения глагола нахских языков. Кроме того, представленный в работе материал может быть использован для дальнейшего изучения теоретических проблем грамматики нахского глагола.

Обсуждение и результаты

Категория грамматического класса рассматривается в лингвистике как один из типов проявления согласовательного класса в языке, к которым относят и категорию рода. Само согласование понимается как тип синтаксической связи, проявляющийся как «ситуация зависимости грамматической характеристики одной словоформы от грамматической характеристики другой словоформы: согласуемая словоформа получает некоторые свои граммемы не потому, что эти граммемы непосредственно выражают какой-то независимый смысл, а потому, что она просто подчиняется грамматическим требованиям согласующей словоформы» (Плунгян, 2011, с. 128).

Различают два типа согласования: внешнее и внутреннее (Плунгян, 2011, с. 137). Внутренне согласование происходит по словоизменительной категории, которая свойственна основной словоформе клаузы. То есть форму согласующегося слова диктует форма согласующего слова. Так, например, происходит согласование глагола с существительным в русском языке: *Мальчик пишет – Мальчики пишут*. Здесь мы имеем пример согласования глагола с существительным в проявлении граммем лица и числа.

Внешнее же согласование в языках осуществляется, по мнению В. А. Плунгяна, по словоклассифицирующей категории. То есть все лексемы определенного разряда (характеризующиеся общностью всех грамматических признаков) разбиваются в языке в соответствии с особенностями оформления их согласуемых словоформ. Именно та «грамматическая категория, граммемы которой определяют указанное разбиение, и называется согласовательным классом» (Плунгян, 2011, с. 133). Иными словами, согласовательный класс представляется как словоклассифицирующая категория языка.

К словоклассифицирующим категориям языка относят, например, категорию рода в русском языке и категорию грамматического класса в кавказских языках. И та, и другая являются грамматическими категориями имен существительных. И посредством определенных маркеров проявляются в структурах согласующихся слов.

Следует отметить, естественные языки различаются в зависимости от особенностей выражения в них согласовательного класса. Известно, что маркеры согласования при прилагательных, глаголах реализуют значения словоизменительных категорий. В самих же именах, согласованных с глаголами или прилагательными, классная принадлежность не всегда отображается. Так, например, в «нахско-дагестанских языках в структуре имени никак не выражена его классная принадлежность. Эти языки называют языками со скрытой категорией класса» (Плунгян, 2011, с. 137). Имеются и языки, в которых имена существительные располагают маркером классной принадлежности.

Категории грамматического класса и грамматического рода, являясь средством выражения связи согласования в естественных языках, представляют собой как бы общую языковую универсалию, будучи в то же время различными языковыми явлениями, разнящимися как по своему происхождению, так и по своему значению и функциональным характеристикам.

Так, исследователи пишут, что понятия «род и класс зачастую употребляются как синонимы. О категории рода чаще всего говорят применительно к индоевропейским и семитским языкам, в именных классификациях которых отражаются половые различия» (Кацнельсон, 1972, с. 22).

Различия между двумя типами согласовательного класса (категории рода и класса) в языках весьма рельефно отображается при реализации в языках типа подчинительной связи – согласования, например в системе глагола.

Как известно, связь согласования в современном ингушском языке в системе глагола слабо представлена, в отличие от русского языка, где глаголы имеют четко и строго оформленную систему согласования с именем в роде и числе.

Что касается проблемы грамматического класса в кавказоведении, то следует отметить, что существуют две точки зрения на количество грамматических классов имен в языках. Согласно первой точке зрения, категорию класса описывают, основываясь на количестве показателей грамматического класса в единственном числе посредством метода согласовательной схемы (Дирр, 1907; Чикобава, 1942; Магомедов, 1990).

Суть второй точки зрения по данному вопросу состоит в том, что количество классов определяется по числу классных префиксов в единственном и множественном числах (Хайдаков, 1980, с. 13).

Считается, что категория грамматического класса зародилась еще в общенахском языке-основе. Также установлено, что на начальном этапе здесь фигурировали два класса – класс человека и класс вещей.

Синхронно исследователи выделяют шесть классов (два класса разумных существ – мужской и женский, четыре класса неразумных существ)

А. С. Чикобава (1942) писал, что в основе морфологической классификации имен лежит деление на грамматические классы, одинаково представленное во всех иберийско-кавказских языках семасиологическим противопоставлением класса разумных («кто?» – человек) и класса неразумных («что?» – все остальное) существ. Деление же класса разумных существ на названия мужчин и женщин автор считал вторичным. Класс названий женщин, по его мнению, выделился позже из разряда наименований человека и использует маркеры класса вещей (Чикобава, 1942, с. 272).

В системе ингушского языка впервые анализ категории класса был представлен в работе З. К. Мальсагова (1963, с. 14-16). Кроме того, имеются исследования по категории грамматического класса в нахских языках и более позднего периода (Тимаев, 1983a; 1983b; Бахаева, 2009; Аушева, 2014; Мамилова, 2017).

Анализ имеющейся научной литературы по проблеме грамматического класса показывает, что сама система грамматического класса в современном ингушском языке изучена довольно детально. В научных исследованиях мы не находим сегодня дискуссий по основополагающим аспектам выделения грамматических классов. Однако вопрос истории формирования данной категории и ее маркеров в системе глагола представляется мало исследованным.

Надо заметить, что глагол в нахских языках представляет собой, пожалуй, наиболее сложный раздел грамматики как по части проявляемых грамматических значений, так и по обилию грамматических форм выражения этих значений. Не составляет исключения в этом смысле и многоаспектность проявления категории грамматического класса в системе глагола.

Итак, грамматический класс – это классифицирующая категория языка, на основании которой все имена существительные данного языка группируются по типам в зависимости от их классной отнесенности в единственном и множественном числе.

В предлагаемой работе нас интересует проблема проявления грамматического класса в структуре глаголов и глагольных форм современного ингушского языка.

Для реализации грамматических классов в современном ингушском языке используются четыре классных показателя *в, й, б, д*. Данные маркеры являются элементами структуры служебного глагола с дефектной парадигмой спряжения *да* – «есть». Каждый класс существительных имеет свой классный показатель – маркер.

Как известно, в единственном числе используются четыре классных показателя (*в, й, б, д*), во множественном числе – три (*й, б, д*).

Грамматический класс является характерной особенностью кавказских, в частности нахских, языков. Как таковой он проявляется на всех уровнях данных языков: семантическом, морфологическом и синтаксическом. Способность данной категории функционировать на всех языковых уровнях связана с тем, что, будучи грамматической, данная категория представлена в морфологии; как средство, устанавливающее связь между компонентами предложения, – в синтаксисе; в семасиологии – в роли семантической категории, подразделяющей именную лексику языка на определенные разряды, в зависимости от проявляемого лексемами признака личности/неличности, разумности/неразумности.

Как мы видим, все три характеристики данной категории взаимосвязаны: семантика переходит в морфологию, морфология – в синтаксис, устанавливая связь согласования между участниками действия: субъектом, предикатом и объектом, независимо от типа предложения – эргативного, номинативного: между субъектом и сказуемым в непереходном предложении (номинативной конструкции предложения): *Со* ***в****-аг1а* – «Я сижу» (классный показатель указывает на субъект действия), между объектом и предикатом при переходном глаголе-сказуемом (в эргативной конструкции предложения): *Аз дахча* ***д****-оаккха* – «Я дрова колю» (классный показатель указывает на объект действия).

То есть классный показатель функционирует в предложении в роли согласовательного элемента, связывающего компоненты пропозиции.

При участии классных показателей передается класс того имени (именной группы), которое согласуется с глаголом и оформлено именительным падежом. Такая именная группа в пропозиции выполняет роль субъекта при непереходном глаголе и роль объекта при переходном глаголе (когда речь идет о синтетических формах глагола).

Когда же речь идет об аналитических формах глагола, здесь согласование в классе представляется следующим образом: вспомогательный глагол аналитической формы от переходного глагола или конструкции согласуется в классе с субъектом ситуации, а причастно-деепричастная форма аналитической формы и полнозначный глагол в аналитической конструкции согласуются в классе с объектом ситуации – *Со дахча* ***д****-оаккхаш* ***в****-оалл* – «Я дрова колю (колющий нахожусь)». При аналитических формах от непереходного глагола оба компонента формы согласуются в классе с субъектом ситуации: *Со* ***в****-одаш* ***в****-а* – «Я иду (идущий есть)».

Выражение классной принадлежности имени в современном ингушском языке характерно лишь ограниченному количеству глаголов. То есть лишь те лексемы, которые имеют в своей структуре классные маркеры, способны к актуализации категории класса и, соответственно, к грамматическому оформлению связи согласования между компонентами словосочетания или предложения. В классных глаголах показатель класса, как известно, представлен в качестве префикса относительно небольшого количества лексем: ***д****-ала,* ***в****-ала,* ***й****-ала,* ***б****-ала* – «заканчивать», ***в****-ола,* ***й****-ола,* ***б****-ола,* ***д****-ола* – «приходить»; в некоторых глагольных формах классный показатель может иногда дублироваться: ***д****-ийша-****д*** – «читал», ***д****-ийца-****д*** – «рассказал», ***в****-аьнна-****в*** – «закончил» и т. п.

В качестве префикса классный экспонент оформлен и в некоторых именах существительных, прилагательных, числительных. В этом случае говорят об окаменелых классных показателях в структуре этих лексем: ***в****-о1* – «сын», ***й****-о1* – «дочь», ***д****-оккха* – «большой», ***й****-оккха* – «большая», ***в****-иъ (в-о1)* – «четыре (сына)», ***й****-иъ йо1* – «четыре дочери» (Мальсагов, 1963, с. 151-155).

Об окаменелых показателях грамматического класса, сохранившихся в составе самих слов, следует говорить не только в системе именных частей речи, но также и в системе глагола.

Так, в ингушском языке наше внимание привлекают лексемы типа ***д****-ахьа* – «носить» / ***кх****-ахьа* – «носить»; ***кх****-асса* – «бросить» / ***т****-асса* – «бросить»; ***т****-ела* – «давать» / ***д****-ала* – «давать»; ***т****-илла* – «стелить» / ***д****-илла* – «класть»; ***кх****-аста* – «крутиться» / ***л****-аста* – «повернуться»; ***л****-а-тта* – «стоять» / ***о****-тта* – «стать»; ***л****-атта* – «стоять» / ***с****-атта* – «наклониться»; ***л****-атта* – «стоять» / ***г1****-атта* – «встать»; ***с****-ага* – «зажечь, включить» / ***къ****-ага* – «засиять, засверкать»; ***д****-ашха* – «исследовать (находить отличительные черты)» / ***б****-ашха* – «разный», ***д****-осса* – «сойти» / ***кх****-осса* – «бросить» и т. п. Мы видим, что формально данные лексемы практически полностью совпадают, разнясь лишь в одной букве. Синонимичность, а иногда и полное семантическое совпадение данных лексем не вызывает сомнения.

Диахронический анализ структуры указанных лексем, по нашему мнению, свидетельствует о том, что перед нами пары лексем, представлявшие собой в прошлом лексемы с различной классной отнесенностью. Начальные элементы этих слов нами рассматриваются в качестве классных показателей, сохранившихся в структуре современных глаголов: *кх-д, кх-т, д-т, т-д, л-о, л-с, л -г1, с-къ, д-б, д-кх* и т. п.

Причиной существования в современном языке указанных пар глагольных лексем с одним и тем же значением, на наш взгляд, может служить то, что пары лексем, некогда будучи одним словом, выражали отнесенность согласованного с ним существительного к разным грамматическим классам. Полагаем, что в тот период развития языка согласовательный класс был тесно взаимосвязан и с выражением значений переходности/непереходности действия, множественности/единичности актантов, согласующихся с глаголом в пропозиции. В последующем значение единичности/множественности актантов переросло в выражение значения семильфактивности/итеративности самой ситуации, передаваемой глаголами: ***д****-ала* – «дать» / ***т****-ела* – «давать (часто или постоянно)», ***д****-аха* – «идти» / *аха* – «хаживать», ***д****-ада* – «побежать» / *ада* – «бежать». В таком же виде они сохранились (с рудиментарными классными показателями в своей структуре) в современном языке, но уже в виде разных лексем с одинаковыми или родственными значениями.

В качестве аргумента в пользу того, что рассматриваемые элементы слова являлись некогда классными показателями, можно привести употребление некоторых из указанных глаголов в словосочетаниях с разными объектами действия в современном языке: ***Кх**-ера **кх**-асса* – «Камень бросить»; ***Д**-ахча кха **т**-асса* – «Дрова в огонь бросить». Имеет место сингармония согласных в анлауте и глагола, и согласующегося с ним существительного в обоих случаях употребления.

(Обратим внимание на то, что факт созвучия согласных в анлауте двух сополагающихся слов в клаузе в случае выражения категории грамматического класса является не редким. Так, например, при согласовании личного местоимения первого лица множественного числа с глаголами, в структуре которых имеется классный показатель типа ***т**-хо **д**-олх* – «мы идем», ***т**-хо **д**-аг1а* – «мы сидим», ***т**-хо **д**-увц* – «о нас говорят», ***т**-хо **д**-оаг1а* и т. п., мы наблюдаем созвучие переднеязычных согласных – глухого и звонкого *т-д*. В то время как личное местоимение третьего лица множественного числа требует другого классного показателя множественного числа: ***уж б**-олх* – «**они** идут», ***уж б**-аг1а* – «они сидят», ***уж б**-увц* – «о них говорят», ***уж б**-оаг1а* – «они идут».)

Можно предположить, что на каком-то этапе развития ингушского языка классными показателями, видимо, обладали и все существительные в своей структуре, и согласующиеся с ними слова-лексемы (глаголы, прилагательные и т. д.). Но в процессе развития языка существительные утеряли способность словоизменения по классам в силу того, что классные маркеры вошли в окаменелом виде сначала в основу, а затем и в корень слова (***д**-ухь* / ***б**-ухь* / ***й**-ухь* – «начало/вершина/начало», ***й**-укъ* / ***б**-укъ* / ***д**-укъ* – «середина/спина/хребет» и т. п.). И не все согласующиеся с существительными слова сохранили эту способность.

Можно предположить также, что та система классных показателей, которая имеет место в современном ингушском языке и которая базируется на показателях служебного глагола (то есть внешний тип согласования), возможно, является системой вторичного происхождения. Первичной, вероятно, была все-таки система грамматических классов, представлявшая внутренний тип согласования и проявлявшаяся внутри структуры лексем.

В аспекте изучения проблемы выражения согласовательного класса в системе ингушского глагола вызывает интерес и наличие в ингушском языке таких лексем, как *да-**л**-а* – «выйти (самому)» / *да-**ккх**-а* – «вытащить (кого-то или что-то)», *ди-**с**-а* – «остаться (самому)» / *ди-**т**-а* – «оставить (кого-то или что-то)». Заметим, что все эти глагольные лексемы имеют в своем составе классный показатель (***д**-ала (в, й, б)*, ***д**-аккха (в, й, б)*, ***д**-иса (в, й, б)*, ***д**-ита (в, й, б)*). При диахроническом анализе структуры современных лексем, на наш взгляд, в составе глаголов определяются окаменелые классные показатели *-л-* (одновременно является и показателем непереходности действия), *-кх-* (показатель переходности действия), *-с-* (показатель непереходности действия), *-т-* (показатель класса и переходности действия). Данные глаголы, очевидно, в языке-основе представляли собой лабильные глаголы. При необходимости же изменить синтаксическую ориентированность действия, выраженного глаголом, использовались показатели либо переходности, либо непереходности. При этом этот же показатель одновременно являлся и маркером категории грамматического класса в структуре глаголов. В рассматриваемых примерах это: *л* – переходность, *кх* – непереходность; *т* – переходность, *с* – непереходность и т. д.

Наша точка зрения подтверждается тем фактом, что в нахских языках и раньше отмечались факты наличия рудиментарных классных показателей типа *л-, т-* в системе имени существительного (Мальсагов, 1963, с. 153).

Кроме того, в глаголах *ди-с-а, ди-т-а*, по нашему мнению, имеет место проявление остатков присутствовавшего когда-то в системе ингушского языка личного глагольного спряжения, так как в глаголе *ди-с-а* имеется значение «остаться самому» и данный глагол связан всегда лишь с субъектом действия. Тогда как глагол *ди-т-а* со значением «оставить» всегда коррелирует лишь с объектом действия. Маркерами же разнонаправленной субъектно-объектной ориентации в данных глаголах выступают показатели *-с-* и *-т-*. При этом полагаем, что маркер *-с-* мог быть одновременно и маркером окончания первого лица единственного числа: ***С**-о ву-**с*** – «Я остаюсь». На данной особенности указанных глаголов, на наш взгляд, основано и использование их в качестве суффигированных глаголов в образовании вторичных форм каузатива и декаузатива в нахских языках от основ непереходных глаголов: *алла* – «лежать» → *алл-**ийта*** – «заставить, позволить лежать» / *алл-**ийса*** – «остаться лежать»; *ваг1а* – «сидеть» → *ваг1-**ийта*** – «заставить, позволить сидеть» / *ваг1-**ийса*** – «остаться сидеть». Причем суффигированный глагол *диса* – «остаться» употребляется в декаузативах лишь от непереходных глаголов, стабильно проявляя связь с субъектом действия.

Выражение категории класса в составе глагола ингушского языка тесно сопряжено с актуализацией категории числа актантов, связанных с действием, передаваемым данным глаголом. В лингвистике подчеркивается, что «нормой является кумулятивное выражение граммем числа и класса, а также зависимость набора классных противопоставлений от значения граммемы числа» (Плунгян, 2011, с. 146).

Следует отметить, что количество глаголов, изменяющихся по числам, в ингушском языке ограниченно. Категория числа передается в структуре глагола посредством классного показателя в анлауте слова: *саг **в**-ода* – «человек идет» / *нах **б**-олх* – «люди идут»; *со **в**-аг1а* – «я сижу» / *тхо **д**-аг1а* – «мы сидим».

В ингушском языке отмечаем следующие способы выражения категории числа в структуре глагола. Существуют непереходные и переходные глаголы, которые в своих основах во множественном числе имеют инфикс *-ов-*: *с**а**ца* – «остановиться (одному)» / *с-**ов**-ца* – «остановиться (многим)»; *д**а**да* – «бежать (одному)» / *д-**ов**-да* – «бежать (многим)», *кх**а**сса* – «бросить (одно)» / *кх-**ов**-са* – «бросить (многих)». Имеются примеры и с инфиксом *-ув-*: *л**а**ца* – «поймать (одного)» / *л-**ув**-ца* – «поймать (многих)».

При актуализации значения множественного числа возможна также и замена классного показателя: ***в**-ада* – «бежать (одному)» / ***д**-ов-да* – «бежать (многим)».

Отмечается также и возможность реализации значения множественного числа субъекта или объекта действия посредством замены корневых согласных *лл* на комплекс согласных *хк* в следующих глагольных лексемах: *алла* – «лежать (одному)» / *а-хк-а* – «лежать (многим)» *ла-**лл**-а* – «гнать (одного)» / *ла-**хк**-а* – «гнать (многих)», *ти-**лл**-а* – «надеть (одно)» – *т-**ах**-ка* – «надеть (много)», *ди-**лл**-а* – «класть (одного)» / *да-**хк**-а* – «класть (многих)».

На наш взгляд, существует неразрывная связь выражения единичности и множественности актантов ситуации с появлением однократного (семильфактивного) и многократного (итеративного) аспекта (вида) глагольного действия в системе нахского глагола (Барахоева, 2011, с. 194-203).

Передача множественного числа актантов в структуре глагола возможна и посредством участия инфикса *-ов* + наращения *-ша*, которое, судя по диахроническому анализу структуры слова, на наш взгляд, вероятно, изначально являлось показателем второго лица множественного числа *-шо* – «вы» (так же, как и в просительных формах повелительного наклонения глагола типа *хала-хь!* – «садись, пожалуйста!», где *-хь-* является показателем второго лица единственного числа): *ха* – «сесть (одному)» / *хов-**ша*** – «сесть (многим)».

Присутствие синхронно в языке такого рода явлений представляется основанием для предположения о наличии в нахском языке-основе личного спряжения глаголов, что в свою очередь свидетельствует о наличии в современном агглютинативном ингушском языке отголосков флективной синтетической тенденции развития нахских языков.

Представленный краткий анализ некоторых специфических черт функционирования категории грамматического класса в системе глагола ингушского языка показывает, что данная категория является одной из основных для всего нахского грамматического языкового строя. Формирование и развитие данной категории проходило в несколько этапов. На одном из которых, очевидно, в глагольной основе одновременно отображались категории лица, числа и класса.

Заключение

Представленный анализ позволяет нам сделать следующие выводы.

Согласовательный класс в ингушском языке в наши дни представлен в виде категории грамматического класса, и связь согласования сегодня является здесь внешней. Однако связь согласования в системе ингушского глагола, слабо выраженная синхронно, по нашему мнению, некогда была представлена более основательно. Об этом свидетельствует наличие окаменелых классных и классно-личных показателей в системе глагола современного ингушского языка. Представляется, что данные маркеры параллельно выступали и в качестве показателей категории числа соотнесенного с глаголом имени существительного.

Кроме того, анализ показывает, что количество классов и показателей этих классов в языке-основе было больше, чем в современном языке.

Имеющие место рудиментарные маркеры грамматического класса, по нашему мнению, являются аргументом в пользу того, что некогда в ингушском языке была представлена флективная синтетическая тенденция развития языкового строя, где имело место кумулятивное выражение нескольких грамматических категорий посредством одной грамматической словоформы.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно определить выявление и детальное исследование рудиментарных показателей грамматического класса в составе не только глагольной лексики, но и именных частей речи нахских языков в целом. Это позволит, на наш взгляд, углубить представления о согласовательном классе в нахских языках и, возможно, имевшем место в нахском языке-основе личном спряжении глагола, а также расширить знания о грамматических категориях частей речи нахских языков.

Источники | References

1. Абдуллаев И. Х. Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. Махачкала, 1974.
2. Аушева Э. А. Категории класса, числа и падежа в ингушском языке // Сборник научных трудов ИнгГУ. Магас, 2014. № 11.
3. Барахоева Н. М. Грамматические формы и категории глагола (на материале нахских языков). Нальчик: Тетраграф, 2011.
4. Бахаева Л. М. Гендерный фактор в чеченском языке: автореф. дисс. … к. филол. н. Грозный, 2009.
5. Дешериев Ю. Д. Специфика проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов // Доклады и сообщения Института языка Академии наук СССР. М.: Изд-во академии наук, 1955. Вып. VII.
6. Дирр А. М. О классах (родах) в кавказских языках // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1907. Вып. 37. Отд. III.
7. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
8. Магомедов А. Г. Динамика становления систем организации имени по грамматическим классам в нахских языках: дисс. … д. филол. н. Тбилиси, 1990.
9. Мальсагов З. К. К вопросу о классных элементах в нахском языке // Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. Грозный: Чечено-Ингушское издательство, 1963.

10. Мамилова Х. А. Категория грамматического класса имени существительного в ингушском языке // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 31 декабря 2017 г.). Махачкала: Апробация, 2017.
11. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2011.
12. Тимаев А. Д. Категория грамматических классов в именах существительных нахских языков // Вопросы отраслевой лексики: сборник научных трудов. Грозный, 1983a.
13. Тимаев А. Д. Категория грамматических классов в нахских языках. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1983b.
14. Хайдаков С. М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М.: Наука, 1980.
15. Чикобава А. С. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1942. Т. 3. № 4.

Информация об авторах | Author information

RU

Барахоева Нина Мустафаевна[1], д. филол. н., доц.
Мальсагова Мадина Израиловна[2], к. филол. н., доц.
[1] Ингушский государственный университет, г. Магас;
Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
[2] Ингушский государственный университет, г. Магас

EN

Nina Mustafaevna Barakhoeva[1], Dr
Madina Izrailovna Malsagova[2], PhD
[1] Ingush State University, Magas;
Chechen State Pedagogical University, Grozny
[2] Ingush State University, Magas

[1] *nbarakhoyeva@mail.ru,* [2] *madina555@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.02.2025; опубликовано online (published online): 28.03.2025.

Ключевые слова (keywords): ингушский язык; глагол; согласовательный класс; категория грамматического класса; категория числа; категория лица; Ingush language; verb; agreement class; grammatical class category; number category; person category.